

97

Препр. и Охота 1881 г. Мам

ОЛЕНЬ И ОХОТА ЗА НИМЪ НА СРЕДНЕМЪ УРАЛѢ *).

Кромѣ немногихъ ракъ, всегда готовыхъ къ услугамъ, да двухъ-трехъ тощихъ березъ, деревца на версту кругомъ не увидишь...

Тургеневъ.

Нѣтъ здѣсь широкихъ, многоводныхъ рѣкъ, нѣтъ роскошныхъ, вѣковыхъ лѣсовъ, нѣтъ синей, безбрежной морской дали, нѣтъ теплыхъ дней, продолжающихся семь и восемь мѣсяцевъ, — ничего этого нѣтъ!

Чѣмъ же притягиваютъ меня къ себѣ эти, большей частью, безлѣсныя, голыя горы? Что привлекательнаго въ этихъ маленькихъ, еле замѣтныхъ, съ обѣихъ сторонъ затянутыхъ чащею, рѣчущахъ? Что заставляетъ меня покидать теплую, уютную комнату и ѣхать за десятки, сотни верстъ, бродить по уваламъ, логамъ, кардачамъ и коротать длинныя, зимнія ночи въ лѣсной избушкѣ или ѣжиться у камина дымнаго и душнаго землянаго балагана?

Одна, только одна всемогущая страсть къ охотѣ, и больше ничто!

На мѣстахъ, которыя сравнительно не очень давно были покрыты сплошнымъ лѣсомъ, теперь почти вырубленномъ, и который продолжаютъ рубить, все-таки еще есть звѣрь, правда, не въ такомъ количествѣ, какъ лѣтъ 20—30 тому назадъ, но онъ есть, — и вотъ присутствіе-то звѣря въ этихъ жалкихъ остаткахъ прежняго лѣса, пощаженныхъ топоромъ и лѣсными пожарами, какъ бы для безмолвнаго протеста за своихъ, безъ толку погибшихъ сотоварищей, о которыхъ съ сожалѣніемъ вспоминаютъ

*) Чтобы познакомить читателя съ особенностями мѣстныхъ словъ и выраженій я, при случаѣ, буду употреблять ихъ, поясняя значеніе.

только охотники-звѣровщики, да владѣльцы заводовъ, — и скрашиваетъ для меня суровую, непривѣтливую здѣшнюю природу и заставляетъ всегда съ одинаковой любовью смотрѣть на хребты, камни и сопки, будто родного мнѣ, Урала!

Я представлю вамъ, читатель, такъ сказать, схематическій набросокъ современнаго Урала. Передъ глазами тянутся горы, на которыхъ кое-гдѣ уцѣлѣла жиденькая рѣлочка сосняка или осинника; вотъ одна сторона увала совсѣмъ кажется рыжею — это *оптла* (обгорѣла) мелкая, сосновая поросль отъ лѣсного пожара, которые здѣсь бывають почти каждую весну и осень; подъ уваломъ, въ долинѣ, группами стоитъ тощій березнякъ, а за нимъ сплошь обрубленное мѣсто (*чистище*, *курень* или *постать*), по которому нѣсколько разъ послѣ порубки ходили *палы* *), уничтожившіе молоднякъ; поэтому тутъ даже кустика не видно, а чернѣють лишь мѣстами обгорѣлые пни; дальше — узенькая рѣчущка, берега которой густо обросли *вольховникомъ* (ольхою), тальникомъ, черноталомъ и кустами черной смородины, такъ что разсмотрѣть воду можно не иначе, какъ раздвинувъ окружающую заросль и подойдя къ самой рѣчкѣ, ширина которой въ сухое время рѣдко бываетъ болѣе сажени. Эта Крутобережка, Бардымъ, — Бобровка, или Омутная тянется на нѣсколько верстъ и, или впадаетъ въ другую рѣчку или озеро, или-же теряется въ болотѣ, которое бываетъ иногда въ окружности верстъ 10—20 и болѣе; кругомъ болота обступили горы, какъ окаменѣвшія, гигантскія волны; на нѣкоторыхъ еще сохранился ельникъ верстъ на восемь, на десять въ окружности; мѣстами высится, Богъ знаетъ какъ и почему уцѣлѣвшая, лиственница; попадаетъ березнякъ, осинникъ и соснякъ, тянущійся на порядочное пространство; но это все мелкій лѣсъ (мендачъ), а крупный строевой лѣсъ (кондовникъ), бывшій прежде, остался только въ воспоминаніяхъ старожиловъ.

Грустно станеть, когда взглянешь умомъ на это разрушеніе и стараешься утѣшить себя мыслью, что оно было полезно для края въ экономическомъ отношеніи.... Но кругомъ бѣдность, нужда.... Впрочемъ, разсуждать о вліяніи исчезновенія лѣсовъ на благосостояніе края не составляетъ цѣли моего очерка; я просто, какъ страстный охотникъ, упомянулъ объ этомъ кстати, такъ

*) Лѣсные пожары.

какъ истребленіе лѣсовъ находится въ прямомъ отношеніи къ уменьшенію дичи.

Чѣмъ же объясняется, что на такихъ относительно безлѣсныхъ, слѣдовательно и неудобныхъ для звѣря, мѣстахъ все еще можно убить козу, оленя, сохатаго и даже медвѣдя? Можетъ быть, подумаетъ читатель, тѣмъ, что охота ведется разумно, не бьютъ матокъ, не охотятся въ мартѣ, по насту, не ловятъ козловъ въ ямы и капканы; не даютъ птицу петлями и слопцами, что за наблюденіемъ всего этого есть надзоръ. Нѣтъ! — Никакого и ни отъ кого нѣтъ надзора! Охотится всякій гдѣ и когда хочетъ и тѣмъ способомъ, который кажется ему удобнѣе и добычливѣе.

Весною, по насту, рѣжутъ косуль сотнями и стрѣляютъ десятками сохатыхъ и оленей. Зимой почти въ такомъ же количествѣ ловятъ косуль капканами и ямами, а оленей капканами и колодинами. Въ концѣ апрѣля и началѣ мая ловятъ и стрѣляютъ безъ счета дупелей и косачей на токахъ; да не одни только промышленники, но и люди болѣе или менѣе понохавшіе цивилизаціи, такъ напримѣръ одинъ господинъ, занимающій мѣсто управителя въ П-мъ заводѣ, застрѣлилъ на токахъ года два тому назадъ, въ одну весну болѣе четырехсотъ дупелей и съ довольнымъ видомъ сообщилъ объ такой удачѣ своему знакомому, приглашая его къ себѣ на охоту....

Я, пожалуй, могъ бы поименовать гдѣ и кто больше истребляетъ дичи незаконными способами и въ запрещенное время, такъ какъ ѣзжу на охоту иногда очень далеко и имѣю много знакомыхъ между крестьянами-промышленниками, но къ чему поведетъ это разоблаченіе? Запрещеніе было и существуетъ только на бумагѣ, значить, все равно, по прежнему будутъ, безъ мѣры и разбора, истреблять звѣря и уничтожать птицу.

Если есть еще мѣстами звѣрь на Среднемъ Уралѣ, то со-всѣмъ не потому, какъ видитъ читатель, что объ его сохраненіи заботится кто-либо, а потому, почему удержался зубръ на Кавказѣ, дикій верблюдъ въ окрестностяхъ Лобъ-Нора, левъ въ Африкѣ и проч.; т. е. я хочу сказать, что здѣсь много еще незаселенныхъ мѣстъ, которыя, кромѣ охотниковъ и покосниковъ, никѣмъ не посѣщаются, да и то не во всякое время года; есть ельники, въ которыхъ звѣри сохраняются съ молодыми, проводя въ нихъ почти все жаркое время, окруженные такими падунами

(трясинами), чрезъ которые человѣку, при всемъ его желаніи, не перебраться лѣтомъ.

Послѣ этого вступленія, которое я считалъ необходимымъ, расскажу все, что знаю объ образѣ жизни, привычкахъ и охотѣ на оленя.

Здѣсь существуетъ лишь одинъ видъ оленя—*сѣверный олень* (*Cervus Tarandus L.*) Ростомъ старый звѣрь съ небольшую крестьянскую лошадь, такъ что чистаго мяса, безъ кожи, головы и ногъ, бываетъ вѣсу пудовъ восемь, а иногда, очень рѣдко впрочемъ, немного болѣе. Встрѣчающіеся на Уралѣ олени бываютъ четырехъ цвѣтовъ: темно-бураго, бѣлесовато-сѣро-бураго или *бусого*, какъ говорятъ здѣсь, средняго между темно-бурымъ и бусымъ (*межеумки*) и полового или буланаго.

Темно-бурые олени строеніемъ тѣла и ростомъ не отличаются отъ прочихъ, но они всегда бываютъ снѣже послѣднихъ; уши, лобъ, конецъ морды, нижняя часть шеи и животъ у нихъ почти бѣлые, а спина, бока и ноги издали кажутся совершенно черными, такъ что неподвижно лежащаго звѣря легко можно принять за почернѣвшую колодину, и даже бывали примѣры, что опытные промышленники не хотѣли стрѣлять по такимъ колодинамъ, а налаживая винтовку, думали про себя: „эхъ еслибъ такъ звѣрь лежалъ, вотъ-бы ловко стрѣлять-то!“ Въ извѣстномъ мнѣ случаѣ олень зашевелился, началъ вставать и повалился отъ мѣткаго выстрѣла.

Бусые звѣри попадаютъ также часто, какъ и темно-бурые. Грудь и животъ у нихъ почти бѣлые, а ноги желтовато-буробѣлаго цвѣта. Они никогда не бываютъ такъ жирны, какъ темно-бурые.

Межеумки не составляютъ рѣдкости, но все-таки встрѣчаются гораздо рѣже двухъ первыхъ.

Буланные или половые называются нѣкоторыми бѣлыми оленями, но они вовсе не бѣлаго, а свѣтло-палеваго цвѣта и составляютъ здѣсь рѣдкость; они никогда не бываютъ въ такомъ хорошемъ тѣлѣ, какъ темно-бурые или даже бусые, не отъѣдаются такъ и потому на взглядъ кажутся меньше послѣднихъ; рога у нихъ никогда не достигаютъ такой величины и животъ поджарѣе, хотя роста тѣ и другіе звѣри одинаковаго.

У темно-бурыхъ, межеумковъ и бусыхъ звѣрей на колѣнномъ сгибѣ заднихъ ногъ, на наружной и внутренней сторонахъ по два эллипсоидальныхъ бѣлыхъ пятна, величиною въ трехъ-копѣеч-

ную монету Николаевского чекана. На внутренней сторонѣ ногъ эти пятна не такъ отчетливо выдаются, какъ на наружной, а у бусыхъ онѣ не такъ замѣтны, расплываясь на свѣтломъ фонѣ ногъ и сливаясь съ нимъ.

Совершенно бѣлыхъ звѣрей здѣсь нѣтъ, по крайней мѣрѣ никто, изъ знакомыхъ мнѣ промышленниковъ, ихъ никогда не видалъ.

При рожденіи оленята золотисто-бурого цвѣта, но встрѣчаются и темно-бурые, почти черные; къ зимѣ они подходятъ уже къ цвѣту взрослыхъ.

Линяютъ звѣри разъ въ годъ весною, а къ осени лѣтняя шерсть отростаетъ, принимая болѣе свѣтлый оттѣнокъ. Шерсть у оленей лѣтомъ значительно короче зимней и не длиннѣ дюйма, тогда какъ зимою достигаетъ вершка.

Цвѣтъ шерсти у темно-бурыхъ лѣтомъ бываетъ еще темнѣе, почти черный.

Пропорціональная, очень красивая голова, на верхней сторонѣ которой замѣтна горбина, возвышеніе, начинающееся на вершокъ ниже глазъ и оканчивающееся на $\frac{1}{2}$ вершка выше губъ. Темные, большіе и грустные, когда звѣрь въ спокойномъ состояніи, глаза, обрамлены рѣдкими рѣсницами; отъ внутренняго угла глазъ идетъ внизъ бороздка, ограничиваясь слезной ямочкой. Большіе, вѣтвистые рога, вышиною въ аршинъ и болѣе, смотря по возрасту звѣря, совершенно гладки, безъ глубокихъ бороздокъ, какія существуютъ на рогахъ изюбра, иногда обильно покрыты пихтовой и еловой смолой (*сырой* по здѣшнему), придаютъ оленю горделивый видъ, когда онъ стоитъ и прислушивается къ чемунибудь. Рога оленюхи не бываютъ длиннѣ двухъ четвертей, они гораздо тоньше и не имѣютъ столько отростковъ, какъ рога оленя. На ногахъ онъ невысокъ и когда стоитъ, то задъ кажется немного выше переда; ноги не толсты, сухи и мускулисты. Животъ подтянутъ какъ у англійской скаковой лошади. На задней части (*холкѣ*) зеркало совершенно бѣлаго цвѣта, какъ зеркало косули (*Сervus puzargus*). Хвостъ длиною отъ трехъ до четырехъ вершковъ, смотря по величинѣ звѣря, имѣетъ позвонки, какъ и хвостъ косули, только въ бѣльшемъ количествѣ. Копыто оленя широко и сильно раздвоено, чернаго блестящаго цвѣта; надъ копытами сзади есть еще небольшія копытца (*пѣноготки*), которыя не достаютъ до земли, а расположены какъ у косули. У самца копыта шире и вообще больше, чѣмъ у самки, поэтому слѣдъ его круглѣе. На поступь онъ также болѣе тяжелъ, такъ что семи-вершковый снѣгъ простукаетъ до земли. Впрочемъ, по глубокому

сніґу, въ аршинъ и болѣе, если онъ плотно лежитъ, по надувамъ напрімѣръ, звѣрь, при всей своей массивности, проходить, не проступаясь: онъ такъ широко разнимаетъ (*расшениваетъ*) копыта и оттопыриваетъ паюготки, что оставляетъ на поверхности лишь острые ихъ отпечатки; человѣкъ же по его слѣду не пройдетъ — провалится. Моча у стараго звѣря розовато-бураго цвѣта, а у молодыхъ нѣжно-блѣдно-розоваго. Калъ похожъ точь-въ-точь на косулій, но нѣсколько крупнѣе. Шевячки, слишіеся вмѣстѣ въ видѣ кедровыхъ шишекъ, всегда принадлежатъ самцамъ, а разсыпавшіеся орѣшками — самкамъ и молодымъ.

Слухъ и обоняніе оленя—совершенство, но зрѣніемъ его природа обидѣла. За полъ-версты, по вѣтру, онъ услышитъ запахъ человѣка и уйдетъ съ мѣста верстъ за 6, за 7; противъ вѣтра къ звѣрю можно подойти на выстрѣлъ, если только сніґъ не *зачарымль* (не подмерзъ сверху) и шаги поэтому не производятъ шума, но чуть *зашарчало* (зашумѣло) подъ ногами охотника или донесется до звѣря звукъ, неосторожно сломанной, на ходу, вѣтки—тогда прощай охота! Вмѣсто оленей останутся только одни *лежанки* (мѣста гдѣ онъ отдыхалъ, лежища) или слѣды жировки, а звѣри будутъ уже далеко....

Если звѣрь увидитъ охотника, то онъ *стышкатъ*, какъ выражаются промышленники. Пышканье это похоже на звукъ, издаваемый лошадыю ноздрями, если къ ней подойдетъ незнакомый человѣкъ. Какъ передать этотъ звукъ—я, право, не знаю; звукоподражательно будетъ, пожалуй: *фууу!*... Но только его нужно произносить отрывисто и полукоткрывъ ротъ.

Крикъ оленюхи, зовущей олененка или предупреждающей его объ опасности, походить на—*кырау*, произносимое горломъ, грасируя.

Оленята издають звукъ, составляющій нѣчто среднее между пискомъ и свистомъ—*пикаютъ*, но собственно пиканьемъ ихъ голоса назвать нельзя, а скорѣе свистомъ, такъ какъ онъ сходенъ съ свистомъ полицейскаго свистка, если въ него дуть слабо и отрывисто, но здѣсь охотники вообще свистъ зовутъ пиканьемъ, напрімѣръ: „рябокъ спикаль, кополонокъ спикаль и т. д.“

Въ то время, когда наступить пора любви у оленей,—т. е. осенью, въ Сентябрѣ,—взбравшись раннимъ, яснымъ, морознымъ утромъ на высокій хребетъ, можно услышать любовный крикъ

звѣря. Этотъ крикъ похожъ на ревъ косули, но гораздо грубѣе и рѣзче. Звонко и отчетливо доносится на вершины увала съ низменности, подернутой утреннимъ туманомъ, сдваиваемое звѣремъ— „гряу! гряу!“ И какъ тревожно-радостно забьется сердце охотника, услыхавшаго этотъ зычный рѣвъ.... Какъ будто сами горы вокругъ заговорили! Чувствуется, что всё надъ тобой и возлѣ тебя живетъ; хочется подсмотрѣть процессъ этой жизни и запечатлѣвается навсегда воспоминаніе объ этомъ счастливомъ утрѣ.

Гоньба оленя начинается съ половины Сентября и продолжается до половины Октября, иногда даже нѣсколько позднѣе. Слово гоньба вполне опредѣляетъ время половыхъ побужденій звѣря. Онъ гонится по слѣду за оленихой, идя спорой иноходью, безпрестанно останавливается, обнюхиваетъ слѣдъ, приподнимаетъ морду къ верху, втягивая съ шумомъ ноздрями воздухъ и наконецъ отыскиваетъ красавицу своимъ отличнымъ чутьемъ. Если есть уже при ней, предупредившіе его, кавалеры,—онъ старается отогнать равныхъ съ собою по силѣ или сильнѣйшихъ и отгоняетъ слабыхъ. Въ такихъ случаяхъ дѣло никогда безъ драки не обходится.

Въ періодъ гоньбы почти никогда не удается встрѣтить самку съ однимъ оленемъ, а всегда съ двумя и болѣе; самцы-же нерѣдко попадаютъ поодиначкѣ, много по два; это объясняется вѣроятно, тѣмъ, что не олениха ищетъ оленя, а наоборотъ. Охотясь за звѣрями осенью, по мелкому снѣгу, легко провѣрить вышесказанное. Ъдешь по *притоннымъ* (излюбленнымъ) оленьимъ мѣстамъ и видишь четыре слѣда: оленюхи, олененка и двухъ быковъ. Слѣды тянутся по одному направленію, идутъ они и рядомъ и другъ за другомъ; олененокъ не отходитъ отъ матери. Наперерѣзъ этимъ слѣдамъ появились два новые слѣда самцовъ и всѣ слѣды перепутались, перемѣшались, снѣгъ кругомъ сплошь утопанъ,—это спутники оленюхи недружелюбно встрѣтили пришельцевъ. Сажень за десять отъ этой утолочки видна изборожденная полоса снѣга сажень пять въ длину и аршина четыре шириною—это звѣри *булися* (бодались). При дракѣ они расходятся какъ бараны, сбѣгаются, ударяются лбами и рогами, напираютъ, спячиваютъ одинъ другого, потомъ опять расходятся—и повторяется та же самая исторія, на этомъ же мѣстѣ, нѣсколько разъ; отъ этого и образуется широкая и длинная полоса, почти до земли сбитаго снѣга, въ видѣ правильного четырехугольника.

Бьютъ они задомъ и передомъ, какъ жеребцы, но не куса-

ются, такъ какъ укусить не могутъ, а развѣ только ущипнуть, потому, что въ верхней челюсти, какъ косули, рѣзцовъ не имѣютъ.

При дракѣ звѣри чрезвычайно сильно ударяются рогами. Въ тихую погоду можно иногда за версту слышать, какъ они *чакаютъ* (стучать); при этомъ довольно часто бываетъ, что рога противниковъ перепутываются вѣтвями между собою и звѣри, при всемъ желаніи разойтись, никакъ этого сдѣлать не могутъ и погибаютъ голодною смертью. Самому мнѣ не случилось находить такихъ роговъ, но двое мнѣ знакомыхъ охотниковъ, живущихъ въ Полевскомъ заводѣ, Иванъ Петровъ Степановъ и Иванъ Дмитріевъ Бочкаревъ, охотившись верстахъ въ тридцати отъ завода, по рѣчкѣ Безымянкѣ, впадающей въ рѣчку Нязю, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, *наткались* (случайно увидели, наткнулись) на пару оленьихъ череповъ, съ перепутавшимися рогами. Вотъ и другой случай. Верстахъ въ 30 отъ Міасскаго завода есть Курманкульскій кордонъ. Полѣсовщикъ Саламатовъ, служачій и теперь на этомъ кордонѣ, объѣзжая свой участокъ, увидѣлъ у горы Шайгатаана, недвижно стоящаго, оленя съ опущенной головою; Саламатовъ привязалъ коня и сталъ подходить къ звѣрю; подойдя на близкій выстрѣлъ, разсмотрѣлъ у земли еще другую голову, которая держала, какъ-бы на привязи, стоящаго звѣря. Оказалось, что это два, спутавшіеся рогами, соперника, одинъ изъ которыхъ лежалъ уже мертвымъ, а другой стоялъ едва живой. Эти случаи заставляютъ предполагать, что много такимъ образомъ погибаетъ звѣря.

Если сойдутся олени, равные по силѣ, и ни одинъ изъ нихъ не обращается въ бѣгство, то они дерутся до изнеможенія, дерутся до тѣхъ поръ, пока оба, обезсилѣвъ, не лягутъ; собравшись съ силами, они или опять принимаются за драку, или гонятъ оленюху впередъ. Сажень за 200—300 отъ этого побоища опять драка и т. д.

Случай, рассказываемые нѣкоторыми, будто олени наносятъ другъ другу иногда смертельныя раны рогами, скорѣе можно отнести къ области фантазіи; основаны они, вѣроятно, только на формѣ роговъ, но никто и никогда изъ знакомыхъ мнѣ охотниковъ-промышленниковъ на Уралѣ не встрѣчалъ не только убитаго такимъ образомъ звѣря, но даже капли крови на мѣстѣ побоища.

Молодые и слѣдовательно менѣе сильные самцы въ дракахъ участія не принимаютъ, но стоятъ или лежатъ поодаль, а иног-

да, воспользовавшись случаемъ, приближаются къ оленюхамъ и урываютъ минутку наслажденія. При переходахъ до другого мѣста драки они слѣдуютъ издали сбоку, или позади всей компаніи.

Во время драки звѣри ни на что окружающее никакого вниманія не обращаютъ, и если охотникъ услышитъ, что *скакали* рога дерущихся любовниковъ, то перестаетъ обращать вниманіе на слѣды, смѣло идетъ на *юмжъ* (звукъ, эхо) и навѣрно будетъ съ добычей, потому что въ это время можно къ оленю подойти очень близко даже по вѣтру. „Тогда въ притрутъ (вплоть) подойдешь“, говорятъ промышленники.

Въ концѣ марта, рѣдко въ началѣ апрѣля, оленюха приноситъ по одному олененку, а иногда и по два. Хотя не случилось видать знакомымъ мнѣ охотникамъ матку съ двумя живыми оленятами, но есть основаніе предполагать, что ихъ бываетъ у нея по два, потому что у убитыхъ весной, по *чарыму* (насту), оленюхъ вырѣзывали иногда по два совсѣмъ сформировавшихся, дозрѣлыхъ телятка, которыхъ она не доносила всего какихъ нибудь нѣсколько дней и погибла отъ варварской охоты сама-третья.

Пищу звѣрей составляетъ мохъ, обвивающій сучья ельника (*Usnea barbata*), листовницы, а также въ изобиліи растущій на *слонкахъ* (буреломѣ) березника, пихтарника и другихъ деревьевъ; любятъ они также ѣсть лишай, покрывающіе камни и охотно объѣдаютъ *пѣчки* (вершинки) *дедиляшки* (пикана), ѣдятъ молодую, свѣжую зелень, показавшуюся весной на *прогалызинкахъ* (проталинахъ) только что сошедшаго снѣга по солонпекамъ уваловъ, но въ другое время года травы въ пищу не употребляютъ, не ѣдятъ мха растущаго на болотахъ и не дотрогиваются до зародковъ поставленнаго сѣна; совсѣмъ не такъ, какъ косуля, которую никакое *остожье* *) не удержитъ—перепрыгнуть черезъ него поѣсть сѣнца. Въ особенности косули въ глубокіе снѣга любятъ посѣщать зароды.

Сакма (слѣдъ) у оленя чистая. Онъ на ходу не бороздитъ снѣга, однако не всегда:—идеть чисто, вдругъ бороздку даетъ, но всё-таки про него говорятъ, что онъ *чистѣ* ходить.

Бѣгаетъ онъ чрезвычайно быстро, а если испуганъ чѣмъ нибудь, особенно когда нанесетъ на него запахъ человѣка, то беретъ съ мѣста *на-махъ* (вскачь); *скидки* (прыжки) въ такомъ слу-

*) Изгородь изъ жердей вокругъ зарода.

чаѣ, вначалѣ дѣлаетъ сажени по три длиною, потомъ ихъ уменьшаетъ; пробѣжавъ такимъ образомъ сажень сто, переходить на иноходъ, потомъ черезъ слѣдующія сто-двѣсти сажень останавливается, повертывается въ полуоборотъ въ ту сторону, откуда *заслышалъ духъ* и начинаетъ прислушиваться и присматриваться, — простоявъ съ полъ-минуты — опять скѣдки, опять *ходъ* и приостановка, и такъ до тѣхъ поръ, пока убѣдится, что опасность совершенно миновала; тогда или ложится, или принимается за *пѣдь* (пищу).

На скаку олень не стелется по землѣ, какъ лошадь, напрымѣръ, а скачетъ волнообразно, мѣрно, то приподнимется передомъ, то опуститъ задъ — и ноги ставитъ не совсѣмъ рядомъ, а одну немного сзади другой. — „Кажись и не ёмко скачетъ, а больно *круто* (скоро, быстро) беретъ“, такъ характеризуютъ быстроту его бѣга мѣстные охотники.

Никакая чаща, никакое болото для него не составляютъ препятствія; черезъ иное болото, напрымѣръ, собака съ трудомъ можетъ перебраться, а подъ звѣремъ только „побулькиваетъ“ и онъ проходитъ по немъ, какъ по суходолу. Если ему случается бѣжать отъ опасности *рѣменьемъ* (чащею), то по его слѣдамъ можно совершенно свободно проѣхать *на-вѣршной* (верхомъ); такъ хорошо онъ успѣваетъ выбирать на полномъ ходу *прогализинки* (прогалины, болѣе чистыя мѣста) *въ рямю* (чащѣ).

Какая бы сучковатая валежина не преграждала ему путь, какая бы толстая колодина не лежала, онъ черезъ нихъ перемахнетъ легко и свободно — „только взмелькатъ“, по мѣстному выраженію.

Черезъ узкія лѣсныя рѣчки онъ перепрыгиваетъ, а черезъ озера переплываетъ безъ малѣйшаго затрудненія.

—

Въ спокойномъ состояніи, на жировкѣ, звѣрь ходитъ, свѣсивши голову внизъ, помахивая ею изъ стороны въ сторону; ступить лѣвою переднею ногою — голова склонится налѣво, правую — направо, такъ что она болтается у него какъ „привязанная;“ на бѣгу-же держать голову горизонтально туловищу, поэтому рога у него ложатся на спину.

Зимомъ, относительно выбора мѣста для отдыха, олень непривычлив: ложится прямо на снѣгъ, но почти всегда неподалеку или возлѣ *сломка*, возлѣ *кокоры* (упавшее гнилое дерево), или близъ *выворотка* (вырванное бурей дерево съ корнями), поэтому скрадывая оленя нужно съ особеннымъ вниманіемъ присматри-

ваться къ такимъ мѣстамъ, чтобы не прозѣвать звѣря. Лѣтомъ онъ предпочитаетъ забираться для лежки непременно въ густую и высокую траву, такъ что въ этомъ случаѣ онъ напоминаетъ привычкою косулю, которая ни за что не ляжетъ на *пустоплесьи* (открытомъ мѣстѣ), а всегда ложится или въ широкой кустъ, въ густую траву, или на *кучный токъ* *), обросшій сплошной стѣнной краснаго кипрея (*Epilobium angustifolium*), но зимою ложится не разбирая, гдѣ придется.

Хотя существуетъ мнѣніе между охотниками, высказываемое даже иногда печатно, напримѣръ г. Черкасовымъ въ его „Запискахъ охотника Восточной Сибири“, что косуля никогда не ложится прямо на снѣгъ, а прежде чѣмъ лечь всегда разгребаетъ его до земли, но оно ошибочно: я много разъ, скрадывая козъ, встрѣчалъ ихъ лежанки просто на снѣгу, даже не было замѣтно, чтобы онѣ сколько нибудь старались отгрести его. Иногда, дѣйствительно, попадаются лежища, на которыхъ снѣгъ сброшенъ до ветоши, но далеко не всегда. Охотившись лѣтомъ за птицей мнѣ удавалось видѣть козлиныя лежища, на которыхъ трава была выбита до земли; не потому ли онѣ и предпочитаютъ кучные тока *), что на нихъ нѣтъ растительности.

Для оленя два очень тяжелыхъ времени въ году: лѣто (съ начала іюня по первыя числа августа), когда на Уралѣ появляется оводъ, паутъ, комаръ и мошка, и весна, именно съ половины до конца марта, когда всякая тварь, могущая мало-мальски ходить на лыжахъ, отправляется промыслять звѣря по *чарыму* (насту). Отъ первой напасти онъ спасается днемъ въ непролазной чащѣ ельниковъ, растущихъ преимущественно на низкихъ мѣстахъ, или забирается въ *кардачъ* (лѣсъ, растущій на кочковатомъ болотѣ), а на вечерней и утренней зарѣ приходитъ купаться на рѣчки, озера и преимущественно тѣ изъ болотъ, на которыхъ есть озерки, побудеть тутъ часъ-другой и уходитъ.

Придя на болото, онъ старается зайти въ самую топъ и начинаетъ бить задомъ и передомъ—только грязь кругомъ летитъ! Если есть на болотѣ озерина, то онъ съ размаху бросается въ

*) Кучнымъ токомъ называется мѣсто, на которомъ пережигали уголь для заводовъ. Послѣ пожара остается пространство въ нѣсколько квадратныхъ сажень твердой, какъ бы утрамбованной, смѣшанной съ углемъ, земли, на которой много лѣтъ спустя ничего не растетъ, но зато такой токъ густо обростаетъ кругомъ березнякомъ и краснымъ кипреемъ, который для косуль составляетъ лакомую пищу. Впослѣдствіи и самый токъ зарастаетъ кипреемъ.

нее, поплавать, выскочить, сдѣлаетъ нѣсколько „козловъ“ и опять бултыхъ въ воду.... „Оводливъ онъ больно,“ отзываются объ немъ промышленники, т. е. чувствителенъ къ укусамъ овода.

Когда случается убить оленя на болотѣ, подкарауливая утромъ или вечеромъ на мѣстахъ его купанья, то большого труда стоитъ добраться до него—такая топь, а онъ себѣ подбрасываетъ задомъ и передомъ, какъ будто стоитъ на твердомъ мѣстѣ, а не на вязкой ладѣ. „Его добывая, самъ себя увязишь, а онъ, лѣшій его знать, какъ на пружинахъ подпрыгивать, такой легкой звѣрь,“—говорятъ здѣшніе охотники.

Отъ второй напасти, т. е. отъ стрѣльбы по насту, его иногда спасаетъ тотъ-же густой ельникъ, въ которомъ невозможно пройти на лыжахъ, но спасаетъ только въ томъ случаѣ, если у промышленника собаки настолько плохи, что не могутъ выгнать оленя на болѣе чистое мѣсто; хорошія же собаки всегда выживутъ звѣря на *стенъ* (чистое, мочежинное, покосное мѣсто, въ иныхъ мѣстахъ называемое *еланью*) или въ *дуброву* (рѣдко-лѣсье на суходолѣ) и тогда звѣрь почти всегда дѣлается легкой добычею охотника.

Съ осени, по первому снѣгу, появляются олени переходы, которые можно встрѣтить до марта, т. е. до наста. Въ настъ звѣрь держится исключительно въ ельникахъ по той причинѣ, что въ нихъ онъ чувствуетъ себя относительно въ безопасности: въ ельникѣ теплѣе, снѣгъ не такъ подмерзаетъ сверху, значить олень не обдираетъ себѣ до крови ноги у паноготковъ объ твердый какъ стекло настъ. Въ такіе притонные, густые ельники звѣри забираются также въ *погуду* (сильный вѣтеръ) и бураны; тамъ онъ у себя дома: всюду тропы *налажены* (надѣланы), которыя не заносятся снѣгомъ, нѣтъ сильнаго вѣтра, сравнительно тепло.... Также заходятъ они въ ельники передъ ненастьемъ, такъ напримѣръ, за два и за три дня они чувуютъ перемену погоды къ худшему и забираются въ ельники, и если на ихъ постоянныхъ переходахъ не встрѣчается свѣжихъ *слѣдовъ* (слѣдовъ), то непременно нужно сжидать скверной погоды.

Идутъ олени съ Сѣверо-Востока на Юго-Западъ и обратно, но да не подумаетъ читатель, что переходы эти совершаются такимъ же громаднымъ количествомъ особей и также періодически-правильно, какъ въ Сѣверо-Восточной Сибири,—нѣтъ: здѣсь штуки 2—3, иногда 5—7 идутъ по сказаннымъ направленіямъ впередъ и возвращаются обратно, и такъ до тѣхъ поръ пока не

образуется настъ, тогда, какъ я уже говорилъ, олени забираются въ ельники и дѣлаются ихъ осѣдлыми обитателями до того времени, пока не побѣгутъ ручьи и не осядетъ снѣгъ отъ начавшаго уже сильно пригрѣвать весенняго солнца.

Замѣчено, что чаще всего попадаютъ свѣжіе звѣринные слѣды по „проходныхъ мѣстамъ“ три раза въ мѣсяцъ: въ новолуніе, въ первую половину и на ущербѣ луны. Чѣмъ объяснить подобное явленіе—не знаю, но фактъ тотъ, что всякій звѣрь въ это время дѣйствительно *шире ходитъ* (т. е. исхаживаетъ бѣльшее пространство), рыба клюетъ лучше и въ морды и вентиря ея больше попадаетъ.

Можетъ быть звѣринные переходы продолжаются и лѣтомъ, но никто ихъ не наблюдалъ, потому что охотятся въ это время за звѣремъ мало, да и охота очень трудна: нужно сидѣть по нѣскольку часовъ неподвижно у озера или болота, отдавая себя на терзаніе комарамъ и проч., а на это здѣсь между промышленниками немного охотниковъ; но если бы кто и пожелалъ сдѣлать наблюденіе, чтобы опредѣлить существованіе переходовъ въ лѣтнее время, то оно оказалось бы невозможнымъ: какъ прослѣдить звѣря по черноstopу, когда онъ пойдетъ по уваламъ, логамъ, падунамъ и болотамъ или затянется въ рямя или кардачь? Осенью же, по мелкому снѣгу, совсѣмъ другое дѣло: тутъ читаешь по слѣдамъ, какъ по книгѣ.

На какое разстояніе тянутся олени переходы—я съ точностью сказать не могу, но во всякомъ случаѣ на нѣсколько десятковъ верстъ.

Если звѣрь никѣмъ не напуганъ на переходѣ, то никогда не идетъ *на проходъ* (не останавливаясь), но подвигается впередъ медленно, не торопясь, шагомъ и часто останавливается для жировки. Увидитъ въ сторонѣ еловый сломокъ, на сучьяхъ котораго торчатъ ключьями свѣтло-зеленый мохъ, подойдетъ, обѣщсть его и тутъ же приляжетъ отдохнуть;—отдохнувъ опять потихоньку отправляется впередъ, обрывая на ходу, торчащія изъ подъ снѣга, вершинки пикана и хватая мимоходомъ мордою снѣгъ, какъ лошадь.

Идетъ онъ днемъ и ночью, но ночью не всегда, а исключительно въ свѣтлыя, ясныя ночи; въ *морозную*-же (пасмурную) ночь *бѣтсѣя* (держится) около одного мѣста и продолжаетъ шествіе уже съ разсвѣтомъ.

При своихъ переходахъ, уставши, звѣрь никогда не ляжетъ *на пути* (на проходномъ слѣду), а всегда сдѣлаетъ петлю: отой-

детъ сажень тридцать и болѣе въ сторону и ляжетъ или, отошедши въ сторону, пойдетъ обратно, діагонально на старый, путевой слѣдъ и, пройдя параллельно ему, какъ бы возвращаясь опять въ то мѣсто, откуда держалъ путь, нѣсколько десятковъ сажень, ложится; иногда даже ложится возлѣ самаго путевого слѣда, если есть удобное мѣсто: валежина, выворотокъ и проч., но никогда, какъ я уже замѣтилъ выше, не ляжетъ на пустопись, развѣ сильно раненый.

При своихъ обычныхъ переходахъ олень не держится прямой линіи, а идетъ тамъ, гдѣ ему кажется удобнѣе и безопаснѣе. Онъ *нипочему* (ни за что) не пойдетъ вершиной увала, а непременно одной изъ его сторонъ, направляясь къ логу, но все-таки, не отклоняясь отъ принятаго направленія, перевалится черезъ уваль или гору и пойдетъ долиной, пройдетъ съ версту или двѣ параллельно увалу, переберется черезъ слѣдующій и опять, спустившись, идетъ низомъ, хотя идя между увалами, вдоль ихъ, онъ дѣлаетъ крюкъ: ему слѣдовало-бы, сойдя съ одного увала, сейчасъ же взобраться на другой, но таковъ уже характеръ звѣриныхъ переходовъ.

Мнѣ кажется, что олень потому предпочитаетъ для своихъ переходовъ низкія мѣста, напримѣръ берега рѣчекъ, лога, кардачи и прочее, что на этихъ мѣстахъ не бываетъ такой сильной *погоды* (вѣтра), какъ на болѣе возвышенныхъ, поэтому мохъ, растущій на вѣтвяхъ ели, лиственницы и другихъ деревьевъ, неотрываемый вѣтромъ, гуще обвиваетъ ихъ; пиканъ тоже чаще встрѣчается на сырыхъ, потныхъ мѣстахъ, чѣмъ по хребтамъ и сухимъ уваламъ, а такъ какъ мохъ и пиканъ составляютъ почти исключительную пищу звѣря, то можно съ увѣренностью предположить, что именно это обстоятельство его и заставляетъ выбирать низменные мѣста для своихъ путешествій.

Когда выпадетъ глубокій снѣгъ и мужички повезутъ изъ *курней* *) дрова и уголь, станутъ доваживать сѣно изъ зародовъ, олень *налаживаесть* тропы на лѣсныя дороги. Можетъ показаться страннымъ зачѣмъ такому *полохливому* (пугливому) звѣрю, любящему по природѣ своей самыя уединенныя мѣста, ходить на проѣзжую дорогу, на которой онъ легко можетъ встрѣтиться съ человѣкомъ, духа котораго даже боится, но дѣло въ томъ, что гастрономическая жилка въ данномъ случаѣ пересиливаетъ этотъ

*) Курень—мѣсто, гдѣ рубили лѣсъ на уголь и дрова для заводовъ.

страхъ: олень чрезвычайно любить людскую мочу и выходитъ на дорогу единственно, чтобы полакомиться ею. — „Любить сцецъ лизать“, говорятъ про него охотники.

Поэтому, ѣдучи по глухой, *куреной* дорогѣ, можно на ней нерѣдко увидеть звѣря. Если ему попадется такой лакомый кусочекъ, то на этомъ мѣстѣ онъ выскребааетъ снѣгъ до земли, да и самая земля бываетъ избита копытами.

Къ характеристикѣ оленя нужно прибавить, что онъ очень смышленъ и не обращаетъ вниманіе на самую мучительную боль, если только увѣренъ въ возможности избавиться отъ этой постоянной боли, освободившись отъ предмета, причиняющаго ее. Такъ, напримѣръ, звѣрь, попавшій въ капканъ, бѣжитъ съ нимъ въ самую чащу и не жалѣя себя старается на бѣгу изо всѣхъ силъ ударить капканомъ по толстому дереву, по колодинѣ или по выдавшемуся камню; такимъ образомъ ему иногда удается сбить капканъ, но почти всегда при этомъ лишается и части ноги у того мѣста, гдѣ она была имъ ущемлена, т. е. немного выше паноготковъ.

Въ этомъ случаѣ онъ даже разумнѣе медвѣдя, который, попавшись въ капканъ, думаетъ, что вся боль и вся бѣда происходятъ отъ *тасканицы* *) и старается всѣми силами избавиться отъ нея: закладываетъ ее сучьями, грызетъ, заноситъ въ рѣчки, пытается разбить о камни, бросаетъ съ утеса и т. д.; но если *волокуша* (тоже, что тасканица) застрянетъ между двумя деревьями, то у него не достаетъ смысла воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и оторвать лапу; напротивъ, онъ терпѣливо покорятся своей участи, какъ только увидитъ, что ему нѣтъ хода ни взадъ, ни впередъ. Правда, былъ одинъ медвѣдь года два тому назадъ, недалеко отъ Нижне-Уфалейскаго завода, на котораго тамошній извѣстный охотникъ Филиппъ Іонычъ ставилъ въ разное время три капкана. Каждый разъ медвѣдь попадался одинъ и тотъ же, но всегда уходилъ, исковеркавъ и изломавъ капканъ въ дребезги. Медвѣдь этотъ былъ громаднаго роста и совершенно бѣлый, безъ отмѣтинъ. Послѣдній капканъ, изломанный этимъ медвѣдемъ, былъ заказанъ Филиппомъ Іонычемъ нарочно для этого необыкновеннаго звѣря и вѣсилъ болѣе двухъ пудовъ. Этотъ охотникъ, промысливши до восьмидесяти медвѣдей на своемъ вѣку, го-

*) Деревянная чурка, длиною около полутора аршина и болѣе, которая приковывается цѣпью къ капкану, чтобы по слѣду, оставляемому ею на травѣ можно было легче найти, погнавшаго въ капканъ, медвѣдя.

вориль, что видѣлъ изо всѣхъ только одного этого такого большаго и *проворнящаго* (сильнаго) звѣря—и увѣрялъ, что это за нимъ смерть пришла, а не медвѣдь ходилъ. „Медвѣдя, говорить, я изымалъ-бы.“ Послѣ третьяго раза Филиппъ Ионычъ такъ и *попустился* (отступилса),—не сталъ его ловить. Въ прошломъ году, въ январѣ, я ѣздилъ верстъ за 150 отъ Екатеринбургa, въ деревню Васькову, верстахъ въ 25 отъ которой былъ найденъ для меня въ берлогѣ медвѣдь. Въ этой деревнѣ мнѣ говорили, что лѣтомъ, въ окрестностяхъ, появился очень большой, совсѣмъ бѣлый медвѣдь и сильно *накостилъ* (дралъ) скотину до осени. Нужно полагать, что это тотъ-же самый, котораго ловилъ Ионычъ, потому что возлѣ Уфалейскаго завода объ немъ уже не стало слышно и, слѣдовательно, онъ перекочевалъ верстъ за двѣсти отъ прежняго мѣста на Сѣверъ.

Если случается оленямъ убѣгать по глубокому снѣгу, испугавшись когонибудь, то и тутъ они выказываютъ глубокое для звѣрей соображеніе—бѣгутъ всѣ слѣдъ въ слѣдъ; пробѣжавъ такимъ образомъ нѣкоторое растояніе, передній, вдругъ поджавъ подъ себя ноги, присѣдаетъ на скаку и остается въ этомъ положеніи неподвижно, не вставая со снѣгу до тѣхъ поръ, пока слѣдующіе за нимъ не перепрыгнутъ черезъ него всѣ до одного; за послѣднимъ, присѣвшій, мгновенно вскакиваетъ и продолжаетъ скакать за товарищами. Такимъ образомъ они всѣ чередуются въ прокладываніи дороги, зная, что передовому несравненно труднѣе бѣжать по цѣлому снѣгу, чѣмъ заднимъ уже по торнымъ слѣдамъ.

Косули продѣлываютъ это же самое, но нѣсколько иначе. Отбѣжавъ отъ взволновавшаго ихъ предмета на нѣкоторое растояніе, достаточное, вѣроятно по ихъ мнѣнію, чтобъ чувствовать себя внѣ опасности, онѣ, какъ бѣжали гусемъ въ такомъ порядкѣ и прилягутъ на снѣгъ всѣ, сразу, какъ будто по командѣ, обративъ только мордочки въ ту сторону, откуда грозила опасность. Пролежавъ такъ съ полминуты—минуту, собравшись со свѣжими силами,—вторая отъ передовой перескакиваетъ черезъ нее, а за нею и всѣ остальные, за послѣдней уже встаетъ и бѣжитъ первая.

Здѣсь существуютъ пять извѣстныхъ мнѣ способовъ добыванія оленей. Охота скрадомъ, стрѣльба съ лабаза, стрѣльба по насту, ловля капканами и ловля колодинами.

Изъ этихъ способовъ я считаю только первый за настоящую охоту, а остальные не заслуживаютъ этого названія, за исключеніемъ, пожалуй, стрѣльбы съ лабаза и должны бы быть не только на бумагѣ, но и на самомъ дѣлѣ строго запрещены.

Охота скрадомъ—это, по моему, самая интересная, самая трудная и самая увлекательная изъ всѣхъ охотъ, существующихъ на Уралѣ. Тутъ требуется умѣнье крѣпко держаться на лошади, хладнокровіе, выносливость, искусство попадать пулею на разстояніе до ста и болѣе сажень, —знать какъ подойти къ звѣрю на выстрѣлъ, не испугавъ его и умѣть вести себя послѣ промаха и вообще, даже послѣ удачнаго выстрѣла; отличное зрѣніе, привычныя къ ходьбѣ по лѣсу ноги и еще много такого, что называется смѣткой... Всѣ дупелиныя, вальдшнепиныя, тетеревиныя, козлиныя, медвѣжьи и другія охоты—забываются и меркнутъ передъ охотою скрадомъ на оленя!..

Куранный балаганъ.

Начинается она съ первымъ выпавшимъ снѣгомъ и продолжается до тѣхъ поръ, пока снѣгъ не нападеть до двухъ четвертей. Можно продолжать охотиться и въ болѣе глубокой снѣгъ, но это будетъ уже не охота, а чистое мученье: чрезвычайно трудно пройти версты три—четыре, да еще въ лѣсу, по снѣгу въ три четверти аршина толщиною. Самое удобное время для охоты скрадомъ, относительно западнаго склона Средняго Урала, можно опредѣлить съ первыхъ чиселъ октября и до половины ноября.

Главное, что необходимо имѣть для этой охоты—это выноси- ваго *) непугливаго, неспотыкающагося, нелѣниваго, со ско- рымъ шагомъ коня и вѣрно бьющій штуцеръ, да такой, чтобъ *поронъ дѣржалъ*. **)—„Иное ружье вѣрно и далеко беретъ, да поронъ не дѣржитъ; изъ него стрѣлишь, кажись угадалъ по при- чинному мѣсту, а звѣря не взятъ:—уйдетъ. Кровища изъ его такъ и хлещетъ по обѣмъ сторонамъ, видать, что наскрозь про- несло, а онъ себѣ пошелъ, ровно нестрѣлянный; а изъ иного— лишь-бы попасть—не дастъ ходу, шабашъ!“—Слова эти принад- лежать Ивану Степанову, охотнику, добывшему разными спосо- бами болѣе четырехсотъ оленей, но который теперь только стрѣ- ляетъ ихъ, не позволяя себѣ ловли капканами и колодинами.

По мнѣнію здѣшнихъ промышленниковъ, ружье больше всего боится *урока* (сглаза). „Посмотритъ недобрый человѣкъ, на хорошее ружье—оно и *порушилось* (испортилось); *щурочить* (сглазить) его не долго, а довести опять до дѣла, ай ай, трудно!“ Чтобъ не *огладть* (сглазить) кто нибудь его ружья, Степановъ плотно обтянулъ и обшилъ стволъ и ложу полотномъ, а на затворъ (у него пѣхотная берданка) накладывается клапанъ изъ того-же по- лотна, такъ что наружу остались только цѣликъ и визиръ; но несмотря на такія строгія предосторожности, послѣ того какъ племянникъ Степанова, Константинъ, бралъ какъ-то одинъ разъ это ружье на охоту, оно стало легче на рану, „кровянить за- чало,“ а до того, бывало, такъ и *сваритъ* ***) звѣря, крови—ни капли.

Отчего, въ самомъ дѣлѣ, ружья одного и того-же мастера, дѣлаемая одновременно, одинаковаго калибра, равныя по цѣнѣ, качеству и длинѣ стволовъ и по отдѣлкѣ, не всегда бьютъ одинаково хорошо? Одно ружье убиваетъ чисто, безъ крови, „держитъ“ пти- цу или звѣря, а другое кровянить и отпускаетъ ихъ на далекое раз- стояніе, если-бы даже пуля или дробь попала, въ обоихъ слу- чаяхъ, по одинаковымъ мѣстамъ, т. е. пробила тѣже покровы, ткани и кости?

Этотъ вопросъ, мнѣ кажется, такъ и останется открытымъ, пока будетъ существовать ружейная охота; вѣдь еще „есть мно- гое на небѣ и землѣ, что и во снѣ не снилось, Гораціо, твоей учености.“

*) Иногда нѣсколько дней кряду приходится ѣздить съ утра до вечера.

**) Т. е. былъ-бы „сердить на рану,“ не отпускалъ бы звѣря далеко.

***) Убьетъ наповаль.

Только что выпадетъ первый снѣгъ, котораго промышленникъ, въ большинствѣ случаевъ страстный охотникъ въ душѣ,—ждетъ не дождется, онъ тотчасъ впрягаетъ своего сивку въ *кошевенки* *) и почти всегда вдвоемъ съ товарищемъ отправляется въ лѣсъ слѣдить звѣря. Можно, и охотятся иногда въ одиночку, да одному не такъ удобно: много приходится ходить пѣшкомъ, труднѣе *пособиться* (управиться) съ убитымъ звѣремъ и, наконецъ, какъ выражаются промышленники: „въ лѣсу одному тоскливо прожить недѣлю, а то и болѣ.“

Считаю излишнимъ упомянуть, какая одежда и обувь употребляются для этой охоты. Коротенькая, на четверть аршина выше колѣнъ, двубортная куртка, въ родѣ пиджака, изъ толстаго свѣтло-сѣраго сукна, на ватѣ; штаны изъ той же матеріи (свѣтло-сѣрый цвѣтъ отлично подходитъ и сливается съ фономъ смѣшаннаго лѣса, зимою); на головѣ шапка—тоболка **) изъ козлиныхъ или оленьихъ лапъ, ***) а на ногахъ *бахилы* ****) дополняютъ костюмъ охотника.

Въ лѣсу, у нѣкоторыхъ промышленниковъ, есть избушки, состоящія изъ маленькаго, низкаго деревяннаго сруба, съ крошечнымъ оконцемъ, дверью, въ которую можно пройти не иначе, какъ согнувшись въ три погибели, и камина, сложеннаго изъ песчаника, а иногда изъ кирпича. Въ подобной избушкѣ тепло, но дымно; впрочемъ, это зависитъ отъ устройства камина, нѣкоторые не дымятъ: чѣмъ глубже устье камина—меньше дыма, и наоборотъ. Полъ, конечно, земляной. Половина такой избушки занята нарами, устроенными на полъ-аршина отъ пола и служащими столомъ и постелью. По стѣнамъ, у домовитыхъ хозяевъ, устроены полочки, вбиты спички, для вѣшанія ружей, и избушка содержится *обиходно* (опрятно), а у иного промышленника такъ не *славно* (скверно, нехорошо) въ избушкѣ, столько въ ней

*) Легкія сани на высокихъ копыльяхъ, съ полого-выгнутыми полозьями, безъ отводковъ. Онѣ очень удобны для ѣзды по узкимъ лѣснымъ дорогамъ, но легко *навалываются* (опрокидываются).

**) Эти шапки шьются съ наушниками, покрывающими и затылокъ; перстью всегда наружу.

***) Выдѣланная кожи, снятая съ ногъ косули или оленя, извѣстны подъ именемъ лапъ.

****) Сапоги съ длинными голенищами изъ оленьей или иной какой нибудь кожи, на мягкихъ подошвахъ, безъ каблуковъ. Иногда, при подходѣ къ звѣрю, надѣваютъ сверхъ бахилъ короткіе, покрывающіе только ступню, носки, вязанные изъ конскаго волоса. Въ такихъ носкахъ шаги охотника почти неслышны по снѣгу.

страму (грязи), что не только переночевать, а войти въ нее противно.

Тѣ изъ охотниковъ, у которыхъ есть собственныя избушки, вечеромъ прѣѣзжаютъ въ нихъ на ночлегъ, а тѣ, у которыхъ нѣтъ своей, ночуютъ въ чьей нибудь чужой, незанятой, или въ куренномъ земляномъ балаганѣ *), или просто подъ открытымъ небомъ, у ноды. Нодья устраивается слѣдующимъ образомъ: выбираютъ сухоподстойное дерево, но непременно еловое, потому что осина и сосна гаснутъ, пихта—трещитъ и бросаетъ искры, береза очень скоро загорается вся и быстро сгораетъ, а ель,—та горитъ медленно, ровно и безъ треска; отрубятъ у подходящей *льсины* (дерева) два бревешка, одно аршина въ четыре длиною, а другое немного короче, потыпаютъ топоромъ, сверху, меньшій отрубокъ, съ одного конца до другого, и кладутъ на него другой, болѣе длинный, подложивъ между ними, съ концовъ, по чурочкѣ въ вершокъ толщины, а чтобъ верхнее бревешко не скатывалось съ нижняго, то съ обѣихъ сторонъ, по концамъ, вбиваютъ по колышку—и нодья готова. Стоитъ ее только зажечь въ промежуткѣ между бревешками и она прогоритъ всю ночь. Въ вѣтеръ располагаютъ нодью такъ, чтобъ онъ дулъ вдоль ея. На снѣгъ, вмѣсто постели, набрасываютъ, обыкновенно, еловыхъ, сосновыхъ или пихтовыхъ *лапокъ* **), которыя представляютъ хотя и жесткое, но все-таки сухое ложе.

Во всякій морозъ *можно биться* (сносно, втерпежь) у такой ноды, только приходится довольно часто поворачиваться съ боку на бокъ, такъ какъ тепло бываетъ только той сторонѣ тѣла, которая обращена къ огню.

При глубокомъ снѣгѣ отгребаютъ его полукругомъ отъ ноды такъ, чтобъ радіусъ, принимая за центръ середину ноды, былъ не менѣе трехъ съ половиною аршинъ, и возвышаютъ его въ видѣ вала; при этомъ спать гораздо удобнѣе: грѣетъ обѣ стороны, такъ какъ теплота отражается отъ бѣлой снѣговой стѣны.

Если къ ночи застанетъ охотниковъ въ лѣсу *сляжиша* (мокрый снѣгъ) или буранъ и не случится по близости избушки или бала-

*) Балаганы эти устраиваются крестьянами, работающими въ куренѣ. Ставятся конусообразно жерди и покрываются дерномъ; посерединѣ или у стѣны прилагивается каминъ. Лѣтомъ въ такихъ балаганахъ, особенно заброшенныхъ уже, ночевать опасно, потому что въ нихъ много иногда бываетъ *шусу* (змѣй).

***) Мелкія сучья. Называютъ ихъ также *хвоей*. Для подстилки предпочитаютъ хихтовыя лапки, потому что онѣ мягче еловыхъ и сосновыхъ.

гана, то вочуютъ просто, безъ огня, въ *стогарь* *) зарода. Осѣдлавъ лошадей, оставляютъ „на избушеѣ“ *скачки* (тоже, что кошевенки) и другія лишнія вещи, а сами ѣдутъ на мѣста, гдѣ чаще попадаются звѣринные переходы.

Въ ясный, безвѣтряный и морозный день всего труднѣе и даже невозможно скрасть оленя; въ такое время въ лѣсу далеко слышно: шелестъ выдающейся надъ снѣгомъ травы, хрусть сломаннаго сучка подъ ногою охотника, скрипъ снѣга—всѣ эти ничтожные сами по себѣ звуки далеко разносятся по лѣсу, а олень звѣрь *почуткой* (чуткій) и если до него донесется малѣйшій подозрительный шорохъ—*устауритса* (насторожится), разбереть въ чьѣмъ дѣло и пошелъ „на проходъ“.

Въ тишь и морозъ звѣрь бодрѣе, слышитъ дальше и поѣтому болѣе недоувѣрчивъ, чѣмъ въ тепло, *морокъ* (туманъ) и вѣтеръ.

Нужно предположить, что у него чрезвычайно развита впечатлительность чувствительныхъ нервовъ; случилось увидать его за полъ-версты, „на поѣди“ (за ѣдой), жующаго мохъ, можно бы казалось надѣяться, что подойдешь къ нему въ мѣру, потому звѣрь работаетъ челюстями и слышитъ, слѣдовательно, хуже, но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое: — начнешь его скрадывать и онъ „спышкать“, заложить рога на спину и живо, *какъ соплеть* **), скроется изъ вида.

Вслѣдствіе этой чуткости оленя промышленники про него говорятъ, что „онъ, язви его, ***) не одними ушами, а ногами и всей тушей слышитъ“.

Но когда (въ особенности при облачномъ небѣ) потянетъ вѣтерокъ, зашумитъ лѣсъ и начнетъ съ разныхъ сторонъ доноситься мѣрное, заунывное поскрипываніе лѣсины объ лѣсину; или „повалить слякиша“ и *побъжитъ съ потоковъ* (начнетъ таять); или, наконецъ когда вынадетъ *китъ* (пороша) и небо сплошь покроется бѣловатыми, будто надъ самымъ лѣсомъ нависшими, облаками—(глухо-погодье),—вотъ самое удобное время для охоты,—это и есть такъ называемое „оленье погодье“, въ такую пору звѣрь *мухро* (понуру) стоитъ и часто подпускаетъ на выстрѣлъ.

Если попадаютъ охотникамъ слѣды, которые идутъ рядо́мъ или одни за другими, но не расходятся по сторонамъ, а тянутся

*) Деревянная основа, на которую ставится зародъ.

**) Т. е. такъ быстро, какъ сгорить. Въ этомъ сравненіи имѣется въ виду лѣсной пожаръ, который съ поражающей быстротой подвигается впередъ.

***) Мѣстное, весьма часто употребляемое, ругательство.

по одному направленію, то продолжают ѣхать за ними, значить звѣрь не скоро остановится, но когда слѣды начнутъ путаться, расходятся въ разныя стороны, потомъ опять встрѣчаться и кое гдѣ стануть замѣтны слѣды жировки,—одинъ изъ охотниковъ спѣшивается, передаетъ лошадь своему спутнику, а самъ осторожно идетъ по слѣдамъ, зорко присматриваясь къ каждому сломку, ко всякой валежинѣ. Товарищъ его, тѣмъ временемъ, стоитъ на одномъ мѣстѣ, держа въ поводу лошадь и соблюдая строгую тишину. Когда пѣшій отойдетъ сажень за двѣсти—триста, конный трогаетъ лошадь и тихо ѣдетъ по его слѣду до тѣхъ поръ, пока не увидитъ на снѣгу условной черты, сдѣланной ушедшимъ впередъ; эта черта означаетъ, что „здѣсь, моль, постой, олень близко!...“

Что они недалеко можно—легко узнать по слѣду, по мочѣ и по шевячкамъ звѣря. Если внутренніе края слѣда талы, пушисты, мягки на ощупь и если комочки снѣга, лежащіе мѣстами возлѣ слѣда, не примерзли къ поверхности и, наконецъ, если моча еще мокра, не застыла,—шевячки—тоже, значить звѣри „свѣждъ прошли“; тутъ ужъ охотникъ смотритъ во всѣ глаза и шагъ за шагомъ, медленно, подвигается впередъ...

Вотъ изъ *логотинки* (лощинки), саженьяхъ въ семидесяти отъ него, совсѣмъ не съ той стороны, гдѣ онъ ожидалъ, выходитъ на угорь, точно нарисованная, пара оленей и, ничего не подозревая, направляется къ ближнему выворотку; одинъ изъ нихъ остановился, какъ-то опустилъ немного задъ... простоялъ нѣсколько секундъ, не измѣняя положенія, потомъ выпрямился, опять присѣлъ и затѣмъ плавнымъ скокомъ догналъ товарища.

Охотникъ видитъ все это и какъ будто очарованный не поднимаетъ ружья, а что онъ переживаетъ въ это время—трудно передать словами... Нѣчто родственное его ощущеніямъ будетъ понятно тому изъ насъ, чья молодая, любимая, еще небывалая въ полѣ собака замерла въ первый разъ на стойкѣ по дичи.— Но тутъ мѣшкать некогда... *Круто* (живо, быстро) раздается выстрѣлъ, направляемый по возможности подъ переднюю лопатку, и послѣшнo зарядивъ ружье охотникъ стоитъ какъ вкопанный, потому что если упалъ одинъ изъ оленей, то другой, не видя стрѣлка, отбѣжитъ нѣсколько сажень и остановится: ему непременно хочется узнать причину паденія друга и гула выстрѣла. Зная этотъ обычай звѣря, случалось убивать нѣкоторымъ промышленникамъ по двѣ, а иногда, если *попайтѣ* (посчастливитъ), то и по три штуки, не сходя съ мѣста. При промахѣ также не нужно мѣнять мѣ-

ста, но слѣдуетъ стоять неподвижно, такъ какъ звѣрь, отбѣжавъ нѣкоторое разстояніе, или остановится, или поверотить и набѣжитъ на охотника.

Оставшійся при лошадяхъ, послѣ выстрѣла, сейчасъ-же слѣзаетъ съ коня и ждетъ съ ружьемъ наготовѣ, не навернется ли на него олень, что и случается весьма нерѣдко.

На рану звѣрь очень крѣпокъ; съ перебитой ногой, даже двумя, онъ уходитъ довольно далеко; если пуля пройдетъ по кишкамъ—это тоже для него не „душевредная“ рана и съ нею онъ въ состояніи пробѣжать нѣсколько верстъ; поэтому, чтобы не гоняться зря за раненымъ, оленя всегда выщѣливаютъ по сердцу. Конечно, нужна *натура* (снаровка), чтобы попадать пульей по убойному мѣсту, но здѣсь есть между промышленниками отличные стрѣлки.

Когда докалываютъ тяжело раненаго звѣря, который легъ и бѣжать больше не въ силахъ, то онъ не сопротивляется, не дѣлаетъ никакого движенія и не издаетъ ни одного звука; косуля,—та тоже въ этомъ случаѣ не шевелится, но за то реветъ ужасно! Всего перевернетъ отъ ея предсмертнаго крика, который сходенъ съ крикомъ подстрѣленнаго зайца, когда его подаетъ вѣжливая собака, но только рѣвъ косули въ нѣсколько разъ рѣзче, а потому еще болѣе дѣйствуетъ на нервы охотника.

Даже легко раненый олень всегда „взлягать“ и если послѣ выстрѣла звѣрь лягнулъ, то это служить вѣрнымъ признакомъ, что онъ раненъ.

Выпотрошивъ убитаго, привязываютъ его веревкою за рога къ лошади и выволакиваютъ къ дорогѣ, потомъ ѣдутъ за кошевенками, на которыхъ и отвозятъ его къ избушкѣ. Но, однако, не всякую лошадь возможно подвести близко къ звѣрю; для этого нужно, чтобы она *обрусла* (привыкла) къ виду оленей.

Стрѣльба съ лабаза далеко не такъ интересна, какъ охота скрадомъ. Ее можно сравнить съ стрѣльбою вальдшнеповъ на тягѣ:—ждешь на одномъ мѣстѣ, а комары и мошки тебя ѣдятъ нещадно; можно бы по пути и вальдшнеповъ стрѣлять съ лабаза, потому что въ половинѣ іюня они еще очень хорошо тянутъ на Среднемъ Уралѣ, преимущественно по глухимъ отдаленнымъ мѣстамъ, и чѣмъ пустыннѣе мѣстность, тѣмъ они сравнительно раньше начинаютъ тянуть. Бьютъ оленей съ лабаза, начиная съ первыхъ чиселъ іюня и кончая половиною іюля; впрочемъ, продолжительность этой охоты зависитъ отъ погоды: если тепло, не спа-

даеть оводъ и *паутъ* (слѣпень), то и олени продолжаютъ приходить вечеромъ на рѣчки и болота, и наоборотъ.

Устройство лабаза очень незатѣливо и немудрено: прилаживаютъ какую нибудь доску горизонтально къ сучьямъ ели или сосны, поближе къ стволу, на высотѣ отъ двухъ до трехъ сажень отъ земли, и лабазъ готовъ. Подобные лабазы устраиваютъ здѣсь также на медвѣдя, подкарауливая его у *шибины* (падали *).

Мѣсто для лабаза избираютъ или у „омутики“ какой нибудь рѣчки, на которую замѣчено, по слѣдамъ оставленнымъ, что звѣрь приходитъ купаться на берегу, или у болота, но всегда, въ этомъ случаѣ, возлѣ истока на „стрѣлкѣ“, т. е. близъ того мѣста гдѣ изъ болота вытекаетъ рѣчка. Къ такимъ стрѣлкамъ олени заходятъ также поздней осенью, во время гоньбы, рассчитывая встрѣтить оленюху.

Избушка промышленника.

Промышляютъ звѣря этимъ способомъ очень мало, по слѣдующимъ причинамъ: проѣхать къ этимъ рѣчкамъ и болотамъ можно съ великимъ трудомъ и то верхомъ, а въ иномъ мѣстѣ на лошади даже не проѣдешь, нужно вести ее въ поводу; шкура оленя бываетъ въ свищахъ, прокусана оводомъ и не представляетъ почти никакой цѣнности; мясо убитаго сохранить негдѣ и большая часть его должна *прокиснуть* (протухнуть), да къ тому же комары и мошки такъ сильно допекаютъ охотника, что достаточно, разъ посидѣвши на лабазѣ, вспомнить объ ихъ назойливости, чтобъ потомъ надолго отстать отъ этой охоты.

Если день былъ жаркій, оводливый, то можно ожидать почти

*) Называется также *умадью*.

навѣрное, что на солнозакатѣ звѣрь придетъ взять свою вечернюю ванну. Курить, разговаривать громко и кашлять нельзя на этой охотѣ; вообще нужно сидѣть такъ смиренно, чтобы ничто не выдавало оленю присутствіе человѣка, и если только вѣтерокъ дуетъ на охотника, то въ успѣшной охотѣ можно быть увѣреннымъ.

Ловить оленей капканами начинаютъ по снѣгу, и чѣмъ глубже снѣгъ, тѣмъ добычливѣе ловля. Капканы вѣсятъ не болѣе 18—20 фунтовъ и ничѣмъ не отличаются, кромѣ ббльшей величины, отъ волчьихъ или лисьихъ. Ставятъ ихъ обыкновенно въ ельникахъ, на тропахъ, или на переходахъ у поѣди. Для того, чтобы поставить капканы, нужна большая сноровка, въ особенности такимъ образомъ, чтобы изъ идущихъ одной тропой пошло два и три звѣря сразу. Здѣсь многіе промышленники сьумѣютъ

Н о д ѣ я .

поймать передняго изъ идущихъ по тропѣ нѣсколькихъ оленей, но только одинъ Степановъ, про котораго я уже говорилъ, ухитряется ловить ихъ по два и по три. Въ чемъ состоитъ его искусство, я, при всемъ желаніи, такъ и не могъ добиться; изъ неясныхъ намековъ только могъ узнать, что оно основано главнымъ образомъ на знаніи привычекъ оленя или волка; Степановъ обратилъ вниманіе на тѣ направленія, по которымъ бросаются въ испугѣ, слѣдующіе за передовымъ, звѣри, въ тотъ моментъ, когда онъ попадаетъ въ капканъ, и отъ настоящей тропы дѣлаетъ по разнымъ направленіямъ искусственныя тропы, на которыхъ тоже ставятъ капканы.

Звѣря, попавшаго въ капканъ, розыскиваютъ по слѣду и до-
стрѣливаютъ.

Самый варварскій способъ добывать оленей это, безспорно, ловить, или правильнѣе давить, колодиной. Для устройства колодины подыскиваютъ на притонныхъ звѣриныхъ мѣстахъ два рядомъ растущихъ прямыхъ дерева аа (фиг. 4), разстояніе между которыми не должно превышать полуаршина, и отрубаютъ съ нихъ вершины и сучья, оставляя только стволы длиною отъ $3\frac{1}{2}$ до 4 аршинъ; отступя сажени на двѣ, какъ разъ напротивъ деревьевъ, вбиваютъ вертикально въ землю двѣ толстыхъ жерди bb', сохраняя между ними то-же пространство, т. е. двѣ четверти; еще на сажень дальше, по прямой линіи отъ жердей, вколачиваютъ „рогулю“ с, вышиною въ аршинъ, на которую кладутъ слошчину dd', длиною около четырехъ сажень, подхватываемую у „мотырка“ е толстымъ кольцомъ f, свитымъ изъ лыка; мотырекъ по-
кится на перекадинѣ g, вдолбленной въ деревья аа, и отъ одного изъ его концовъ проведена веревка h къ „насторожкѣ“ i, вложенной однимъ концомъ въ выдолбленное въ деревѣ à отверстие, другимъ же въ „крючекъ“ j, за который привязана „сима“ k отъ жерди b'; крючекъ j задѣтъ за гвоздь, вбитый въ порогъ LL', лежащую на перекадинахъ mm' на $3\frac{3}{4}$ аршина отъ земли, вдѣланныхъ въ жерди bb' и деревья аа; чтобъ жерди не расходились, то ихъ сверху обвязываютъ лыкомъ. Возлѣ нижней колодины (LL'), по обѣимъ ея сторонамъ, бросаютъ прикормъ, состоящій изъ еловыхъ моховыхъ сучьевъ. Звѣрь подойдетъ, обѣстъ мохъ на сучьяхъ съ одной стороны и желая *попровѣдать* (отвѣдать) лежащихъ по другой сторонѣ колодины—заноситъ ногу, чтобъ переступить черезъ нея, но едва только коснется симы какъ крючекъ сходитъ съ своего мѣста, выпускаетъ насторожку, которая летитъ кверху и колодина dd' обрушивается на звѣря; чтобъ послѣдній не могъ какимъ нибудь образомъ выдраться изъ этихъ клещей, то въ колодину LL' вколачиваютъ четыре желѣзныхъ шпиль, остріями кверху, а для бѣльшей тяжести верхней колодины—прислоняютъ къ ней *грузъ*,—двѣ толстыхъ жерди n, o.

Можно себѣ представить, на какое адское мученіе обреченъ попавшій въ колодину олень,—иногда впродолженіи двухъ сутокъ и даже болѣе!.. Такъ какъ *снасти* (капканы, колодины и проч.) у промышленника бывають разставлены въ разныхъ мѣстахъ и настолько отдалены одно отъ другого, что ихъ ему въ одинъ

день не объѣхать, да вообще и осматривать снасти ѣздить не каждый день.

Самый губительный способ по количеству истребляемыхъ звѣрей—это охота по насту; по пяти и по восьми штукъ убиваютъ въ одинъ день. Два года тому назадъ башкиры, близъ Шунутскаго рудника, добыли восемь штукъ впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, а теперь звѣря и безъ того мало, не такъ какъ лѣтъ двадцать тому назадъ, когда вспугнувши однихъ, охотясь скрадомъ,—не слѣдили за ними, очень хорошо зная, что отѣхавши съ версту—много-двѣ—найдутъ другихъ непуганыхъ; но, какъ я уже сказалъ раньше, ни отъ кого и никакого призора за способами и временемъ охоты здѣсь не существуетъ, то и истребленіе оленей по насту практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. „Козловать“, напимѣръ—это совсѣмъ особый терминъ, который исключительно значить охотиться весной за косулями по насту,—„звѣрывать“—стрѣлять по насту оленей и сохатыхъ; правда, недалеко то время, когда эти слова исчезнутъ и забудутся, какъ исчезли и забылись бобры и кабаны на Уралѣ, о бывшемъ существованіи которыхъ свидѣлствуютъ удержавшіяся названія рѣчекъ и урочищъ,—но пока еще есть лоси, олени и косули, вѣдь можно было бы позаботиться объ ихъ сохраненіи...

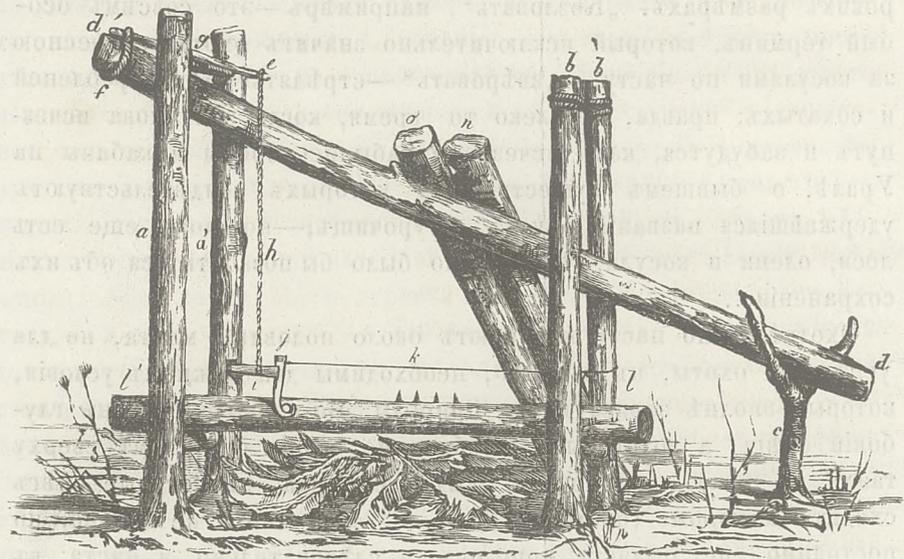
Охотиться по насту начинаютъ около половины марта, но для успѣшной охоты, къ счастью, необходимы два важныхъ условія, которыя вполнѣ зависятъ отъ природы. Во-первыхъ нуженъ глубокой снѣгъ, а во-вторыхъ необходимо, чтобы онъ днемъ сверху таялъ и ночью подмерзалъ; выдаются года, въ которые снѣгъ сходитъ *изморомъ* (постепенно), т. е. онъ таетъ не сильно, но постоянно, не бываетъ морозовъ, а слѣдовательно и наста; въ такіе года звѣрь спасенъ: собакѣ не остановить его по глубокому, но рыхлому снѣгу, она будетъ *пурхаться* (барахтаться) въ немъ, а для оленя онъ не помѣха, только бы не было наста, потому что послѣдній рѣжетъ ему ноги у паноготковъ и мѣшаетъ уйти отъ собакъ, которыя пользуются этимъ, забѣгаютъ впередъ, съ лаемъ бросаются на звѣря и тѣмъ даютъ время промышленнику подойти къ нему на близкій выстрѣлъ.

Охотятся по насту въ теплый, солнечный день только утромъ, такъ какъ днемъ начинается *распаръ*, т. е. настъ таетъ и не сдерживаетъ собакъ, въ холодное же время—впродолженіи цѣлаго дня.

Олень, остановленный собаками, очень *усердъ* (сердитъ, золтъ): глаза у него дѣлаются какъ-то больше и съ злымъ выраженіемъ вращаются въ орбитахъ,—бѣда собачкѣ, неловко подвернувшейся въ этотъ моментъ ему подъ ноги—только мокро отъ нея останется: „всею испластать копытами“, по мѣстному выраженію.

Я забылъ сказать, что, охотившись до насту, промышленникъ становится на лыжи, которые бывають у нѣкоторыхъ обтянуты кониной *); ходить на такихъ лыжахъ очень легко, снѣгъ не подмерзаетъ къ нимъ и онѣ не „сдають“ при подъемѣ на гору.

Бьютъ оленей изъ за кости и мяса. Кожа, выдѣланная „по черному,“ очень мягка и какъ бы ни была смочена, если высохнетъ, то опять будетъ такою же мягкою, какъ и прежде. Изъ кожъ взрослыхъ звѣрей шьютъ бахилы, дѣлають фартуки и верхи

Колодина.

для экипажей и проч., а изъ кожъ молодыхъ—прекрасные кожаны, дѣтскую обувь, сѣдельныя подушки и т. д. Цѣна выдѣланнымъ отъ четырехъ до шести рублей, смотря по величинѣ. Оленина очень нѣжна на вкусъ, питательна и легко переносится желудкомъ; продають ее около двухъ рублей за пудъ. Изъ ногъ приготавливають весьма вкусное *холоднее* (студень), а вареный языкъ, нужно отдать ему должную справедливость, по вкусу не уступить пресловутой лосиной губѣ. Изъ шкурокъ, святыхъ

*) Т е. кожей, снятой съ лошадиныхъ ногъ.

съ оленьихъ ногъ, шьютъ теплые и мягкіе сапоги, шерстью наружу, очень удобныя для зимней охоты, потому что снѣгъ не такъ сильно шарчитъ подъ ними, какъ подъ бахилами, но послѣднія все-таки предпочитаются по своей легкости. Каждая такая шкурка стоитъ 20—25 копѣекъ.

Въ заключеніе моего очерка назову тѣ мѣста, по которымъ звѣри дѣлаютъ свои переходы и тѣ, гдѣ они постоянно держатся лѣтомъ (лѣтуютъ) и зимою.

Мѣста, на которыя я укажу, какъ на болѣе мнѣ знакомыя, расположены въ Сысертской дачѣ, въ окрестностяхъ Полевскаго и Сѣверскаго заводовъ, а также въ Ревдинской и Сергинской дачахъ, смежныхъ съ Сысертской.

Пришлые олени идутъ отъ Вязовскаго болота, направляясь на юго-западъ, проходя вершинами рѣчекъ Сѣверной, Кузихи, Гремихи (близъ Азова камня), Полевой, Черной, Копанки и Медвѣжьей; отсюда проходятъ между вершинами Глубокой и Черемуховой по Большому ельнику и вершинамъ рѣчекъ Мойсеевки и Нязи на Соколъ - гору, Крутоярскій ельникъ (въ верховьяхъ Чусовой) и Татаринъ-гору, перевалившись черезъ которую заходятъ въ дачи Кыштымскихъ заводовъ черезъ Красную степь къ Ураиму (Нязяпетровскій заводъ). Всего проходятъ Сысертской дачей около семидесяти пяти верстъ.

Постояннымъ пребываніемъ оленей служить Большой и Крутоярскій ельники, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ они жили лѣтомъ и зимою въ ельникахъ, окружающихъ верховья Омутной, въ Дикомъ ельникѣ и Тагильцовомъ островѣ, но теперь эти мѣста уже вырублены и на нихъ встрѣчается только изрѣдка проходной звѣрь, но мѣстовыхъ нѣтъ. Въ Ревдинской дачѣ олени держатся близъ верховьевъ Большого и Малаго Бардыма и Большого и Малаго Шунута, а въ Сергинской—возлѣ вершинъ рѣчки Скурлака и въ сплошныхъ ельникахъ у Разсолной горы.

А. М. Галинь.

24 февраля 1881 года.